

Alexandra KHOMIAKOVA
**Tchaikovsky through the eyes
 of native artists**
*(based on the portraits from the collection
 of the Museum of Music, Moscow)*

Александра ХОМЯКОВА
**Чайковский глазами
 отечественных художников**
*(на примере портретов
 из собрания Музея музыки)*

Masters of Russian fine art of different eras have repeatedly made attempts to reveal in the artistic image the creative personality of the genius of Russian music — Peter Tchaikovsky, who possessed a graceful appearance, knew how to please people of opposite tastes, and had an artistic nature. Nevertheless, during the life of the great composer, his graphic, statuary and especially picturesque portraits were not often created. He became a popular model only in the 20th century.

In the year of the 180th anniversary of the birth of the outstanding musician whose life and work became universal legacy, it seems appropriate to analyze, using the example of visual materials from the collection of the Russian National Museum of Music (RNMM, Museum of Music), the differences in the creative perception of P. I. Tchaikovsky's bright individuality and unique personality by Russian artists.

Keywords: P. I. Tchaikovsky, N. I. Tchaikovsky, S. Z. Bogatyr, V. I. Vinokur, A. A. Volter, N. V. Ilyin, G. B. Inger, N. D. Kuznetsov, N. V. Litvinova, M. G. Sokolov, portrait.

Мастера отечественного изобразительного искусства разных эпох неоднократно делали попытки раскрыть в художественном образе творческую личность гения русской музыки — Петра Ильича Чайковского, который обладал изящной внешностью, умел нравиться людям противоположных вкусов, был артистичной натурой. Тем не менее, при жизни великого композитора его графические, статуарные и особенно живописные портреты создавались не часто. Популярной моделью он стал уже в XX веке. В год 180-летия со дня рождения выдающегося музыканта, жизнь и творчество которого стали общечеловеческим достоянием, представляется уместным проанализировать на примере изобразительных материалов из собрания Российского национального музея музыки (РНММ, Музей музыки)¹ различия творческого восприятия отечественными художниками ярко индивидуальной и неповторимой личности П. И. Чайковского.

Ключевые слова: П. И. Чайковский, Н. И. Чайковский, С. З. Богатырь, В. И. Винокур, А. А. Вольтер, Н. В. Ильин, Г. Б. Ингер, Н. Д. Кузнецов, Н. В. Литвинова, М. Г. Соколов, портрет.

К числу первых поступлений в фонды Музея музыки, происходивших в 1910-е годы, относятся два карандашных рисунка с изображением совсем юного П. И. Чайковского в период его обучения в элитном Императорском училище правоведения в Санкт-Петербурге.

Датированные серединой 1850-х годов графические наброски исполнены не профессиональным художником, а любителем, старшим братом Николаем Ильичом Чайковским (1838–1910), который в тот момент был воспитанником Горного института. На портретах запечатлен худощавый, с изящной внешностью, довольно закрытый для окружающих юноша-школьник в строгом мундире, готовящийся стать чиновником министерства юстиции. Ничто в облике этого молодого человека не выдает будущего создателя бессмертных музыкальных шедевров: «...необыкновенно в нем была только внешняя привлекательность. <...> Это был просто необыкновенно симпатичный юноша, способностей выше средних, обещавший в будущем дельного и трудящегося человека с очень приятным дилетантским талантом к музыке — не более» [5, с. 77].

Ведущий свою историю с 1912 года и насчитывающий около одного миллиона музейных предметов Российский национальный музей музыки возник из музея имени Н. Г. Рубинштейна при Московской консерватории. В советский период долгое время назывался Государственным центральным музеем музыкальной культуры имени М. И. Глинки. В 2011 году получил наименование — «Всероссийское музейное объединение музыкальной культуры имени М. И. Глинки». Наконец в 2018 году у него появилось новое название — «Российский национальный музей музыки».

¹ Ведущий свою историю с 1912 года и насчитывающий около одного миллиона музейных предметов Российский национальный музей музыки возник из музея имени Н. Г. Рубинштейна при Московской консерватории. В советский период долгое время назывался Государственным центральным музеем музыкальной культуры имени М. И. Глинки. В 2011 году получил наименование — «Всероссийское музейное объединение музыкальной культуры имени М. И. Глинки». Наконец в 2018 году у него появилось новое название — «Российский национальный музей музыки».

Чайковский Н. И.
 Портреты
 П. И. Чайковского
 в мундире училища
 правоведения.
 Бумага, карандаш.
 1850-е годы.
 РНММ.
 Инв. № 489/IV;
 Инв. № 532/IV

Будучи уже всемирно известным музыкантом, публичным человеком, П. И. Чайковский оставался очень застенчивым и категорически не хотел держать дома собственный портрет. Возможно, это одна из причин, которой объясняется малочисленность прижизненных изображений выдающегося композитора. Кстати, одному из них, принадлежащему кисти одесского художника Николая Дмитриевича Кузнецова (1850–1929), Чайковский дал высокую оценку, назвав его в письме к брату Модесту «удивительнейшим». Музыкант мечтал, чтобы данный портрет, написанный за несколько сеансов позирования с 12 по 15 января 1893 года экспонировался на Передвижной выставке. В собрании Музея музыки находится прекрасная копия портрета работы Н. Д. Кузнецова, сделанная в 1950-е годы Надеждой Викторовной Литвиновой (1893–?) с оригинала, хранящегося в Третьяковской галерее.

Сегодня это красочное изображение украшает основную экспозицию филиала РНММ — музея Чайковского в Москве. Хотя при работе над подлинником натурные сеансы проходили в суровую январскую пору, когда, по словам композитора, Черное море замерзло на целые десятки верст, и Одесса стала похожа на любой северный город в зимней обстановке, одухотво-

ренная модель на нем представлена на условно-фантазийном фоне из хаотично наложенных на поверхность холста крупных темно-зеленых мазков. Н. Д. Кузнецов, словно интуитивно предчувствуя скорую кончину музыканта, символично, энергетикой цвета показал его грядущий переход в вечность. Первый биограф композитора М. И. Чайковский считал, что «художник незнакомый с внутренней жизнью Петра Ильича, чутьем вдохновенья угадал трагизм его настроения этой поры» [4, с. 599].

В дни пребывания в Одессе П. И. Чайковский также запечатлен на графическом портрете работы выпускника петербургской Академии художеств Михаила Георгиевича Соколова (1875–1953).

Хотя данное изображение датируется 1904 годом, исполнено оно в смешанной технике (карандаш, соус) по прижизненной фотографии композитора, сделанной 20 января 1893 года в ателье В. В. Чеховского. Одетый в стильный пиджак с высокой застежкой и мягкие полосатые брюки, Чайковский представлен элегантно сидящим в позе «нога на ногу» в резном барочном кресле на фоне тумбы-вазона с цветами. Создавая копиянный портрет, М. Г. Соколов сохранил диагональную композицию фотооригинала, но отказался от интерьер-

ных деталей первоисточника. На графическом изображении² кресло лишено пышного декора, а фон, словно сотканный из множества приглушенных оттенков, полностью условен. Ничто не отвлекает от выражающего душевное смятение, осунувшегося лица выдающегося композитора, от его уставшего болезненного взгляда, направленного на зрителя. «Петр Ильич страдал временами меланхолией. На него нападала такая тоска, такое недовольство собой и всем окружающим, что он места себе не находил», — вспоминала Н. Н. Кондратьева [1, с. 116]. В течение одиннадцатидневного восторженного приема в Одессе Чайковский практически не имел возможности отдохнуть, его творческий график был чрезмерно напряженным. Музыкант выступил в качестве дирижера в пяти концертах, изучил партитуры новых для него произведений, посетил множество репетиций, постоянно принимал всякого рода поклонников и просителей, участвовал в различных торжественных обедах, раутах. Перенасыщенность событиями, перегруженность работой пагубно сказались на состоянии и без того шаткого здоровья композитора, что ярко отражено на портретах кисти Н. Д. Кузнецова–Н. В. Литвиновой и М. Г. Соколова.

Также в последние годы жизни П. И. Чайковский с седыми волосами и бородой запечатлен на ретроспективном портрете 1950 года художником Георгием Бенционовичем Ингером (1910–1995), который, переболев в детстве тифом, полностью потерял слух, но сохранил способность очень чутко чувствовать музыку. На исполненном в технике сангины и отличающемся мастерским владением академическим рисунком изображении³ композитор представлен погрудно в трехчетвертном повороте, одетым в концертный фрак с бабочкой. Вероятно, он стоит за дирижерским пультом, срезанным краем бумажного листа, и сосредоточенно, склонив вниз голову, вглядывается в партитуру. На выразительном лице П. И. Чайковского лежит ясный отпечаток великого дара, доброты и мудрости прожитых лет. Однажды в беседе с А. И. Брюлловой выдающийся музыкант точно подметил: «...мне пятьдесят три года, я седой, лысый, я имею вид старика, а между тем я чувствую в себе столько нетронутых сил, во мне столько музыкальных мыслей и образов, которые рвутся наружу, что, будь сорок восемь часов в сутках, я, кажется, не успел бы воплотить все, что реет в моем воображении» [1, с. 137]. Данный графический портрет в 1985 году передан в фонды лично Г. Б. Ингером, который ранее выполнял изображения музыкантов-исполнителей и композиторов по заказу Музея музыки.

На поступившем в 2000 году в собрание РНММ живописном полотне работы Алексея Александровича Вольтера (1889–1973) показан момент, когда П. И. Чай-

Соколов М. Г. Портрет П. И. Чайковского. Бумага, соус, карандаш. 1904 год. РНММ. Инв. № ГР-242

ковский сразу после выступления в качестве пианиста обратил свой немного растерянный смущенный взор в зрительный зал, к публике⁴. Музыкант изображен в полный рост в концертном костюме на фоне фрагмента рояля и стула, форма спинки которого напоминает лиру — символ творческого вдохновения. Нельзя не отметить, что многие современники считали Чайковского плохим пианистом. В интерпретации автора, как ни странно, гениальная музыка впечатления не производила. Вероятно, причина кроется в том, что исполняя свои сочинения, композитор боялся расплакаться и потому намеренно прятал от слушателей самые трогательные, живые моменты собственных произведений. По словам Г. А. Лароша, фортепианные способности его великого друга были огромны, сравнительно долго

² Приобретено Музеем музыки в 2003 году у ООО «Рококо».

³ Ингер Г. Б. Портрет П. И. Чайковского. Бумага, сангина. 1950 год. РНММ. Инв. № 3294/II. Публикуется впервые. См. внутренний разворот обложки.

⁴ Вольтер А. А. Портрет П. И. Чайковского. Холст, масло. Вторая треть XX века. РНММ. Инв. № Ж-38. См. внутренний разворот обложки.

Ильин Н. В. Портрет П. И. Чайковского.
Бумага, карандаш. Вторая четверть XX века. РНММ. Инв. № 355/II.
Публикуется впервые

он сохранял силу и беглость пальцев. Однако перед широкой аудиторией композитор не особенно стремился исполнять свои творения на рояле: «Петр Ильич как огня боялся сентиментальности и вследствие этого в фортепианной игре не любил излишнего подчеркивания и смеялся над выражением „играть с душой“. Если ему не нравился термин, то еще менее нравился самый способ игры, обозначавшийся термином; музыкальное чувство, жившее в нем, сдерживалось известною целомудренностью, и из боязни пошлости он мог впадать в противоположную крайность» [1, с. 44].

Несмотря на то, что данный репрезентативный портрет написан в масляной технике не с натуры, во второй трети XX столетия, он производит живое, волнующее впечатление. С помощью фактуры, вибрации мазков А. А. Вольтер словно озвучил построенный на тончайших градациях бежево-коричневого цвета фон, на котором изображена высокая выразительная фигура красивого, умного человека — гения русской музыки. Советский художник рассказал языком живо-

писи о наименее популярной странице творческой жизни композитора.

На пейзажном фоне П. И. Чайковский изображен на портрете⁵, исполненном в смешанной технике (акварель, гуашь, карандаш) Владимиром Исааковичем Винокуром (1927–2017). Со свойственной иллюстратору книг повествовательностью В. И. Винокур подробно показал природное окружение модели. Одетый в элегантный костюм-тройку и держащий в руках плащ, великий музыкант запечатлен сидящим в погожую солнечную погоду на лесной поляне в момент творческого вдохновения. Композитор внимательно прислушивается к звукам пастушьего рожка, на котором играет погонщик стада коров. Окружает его богатая палитра красок золотой осени: пестрый ковер из опавших листьев под ногами, рождающие перспективу стройные белые стволы берез с оранжево-золотыми кудрями на ветках и зеленая хвоя маленькой елочки на переднем плане композиции. Художник словно проиллюстрировал проникнутые возвышенно-поэтическим отношением к природе строки одного из писем П. И. Чайковского к госпоже Н. Ф. фон Мекк: «У нас стоят чудные дни. Каждое утро я отправляюсь на далекую прогулку, отыскиваю где-нибудь уютный уголок в лесу и бесконечно наслаждаюсь осенним воздухом, пропитанным запахом опавшей листвы, тишиной и прелестью осеннего ландшафта, с его характерным колоритом...» [2, с. 14].

Камерная по характеру ретроспективная работа из графического цикла о жизни и творчестве композитора, впервые была представлена автором на защите дипломного проекта в Московском художественном институте имени В. И. Сурикова в 1952 году. Незадолго до смерти, после проведения в 2016 году персональной выставки «Владимир Винокур: неизвестное» в музее Чайковского в Москве художник принял решение передать этот портрет в фонды Музея музыки.

На портретах Чайковского, выполненных М. Г. Соколовым, Н. Д. Кузнецовым (копия Н. В. Литвиновой), А. А. Вольтером, В. И. Винокуром, Г. Б. Ингером отдельные неточности в передаче некоторых черт лица, особенностей фигуры не затмевают ощущение реалистичности изображения. А вот хранящийся с 1948 года в фондах карандашный рисунок, предположительно⁶ работы Николая Васильевича Ильина (1894–1954), в котором заметны отголоски кубизма, напротив, демонстрирует сильно преобразованный фантазией автора внешний облик композитора.

Его гипертрофированно большая голова, высокий лоб, окладистая борода, орлиный нос вызывают в памяти образ какого-то былинного богатыря. Графическое изображение не выявляет физиогномику лица

⁵ Винокур В. И. Портрет П. И. Чайковского. Бумага, акварель, гуашь, карандаш. 1952 год. РНММ. Инв. № ГР-519. См. внутренний разворот обложки.

⁶ В книге поступлений отдела учета Музея музыки, есть запись о приеме в 1948 году от Н. Швайцара четырех предметов, среди которых и карандашный портрет П. И. Чайковского. Однако и в книге поступлений, и на самом рисунке инициалы художника, как и дата его создания, отсутствуют. Тем не менее, по стилистической манере исполнения данное изображение напоминает авангардные работы художника-графика Николая Васильевича Ильина.

выдающейся модели, построено на контрасте объема и плоскости. Лицо П. И. Чайковского передано трехмерно, вылеплено с помощью светотеневой моделировки, а его фрагментарно показанная фигура развернута по плоскости. Данный рисунок, скорее всего, исполнен во второй четверти XX века (после 1934 года) и принадлежит к числу работ московского периода творчества Н. В. Ильина, когда он, создавая в «Гослитиздате» иллюстрации к книгам о классиках мирового искусства, стремительно превращался из «левостороннего» борца с методом социалистического реализма в его «правостороннего» идеолога. Поэтому карандашный портрет Чайковского можно рассматривать как воспоминание противоречивого художника о ранних кубистических экспериментах, об исканиях в передаче ощущения массы, о вольных поисках индивидуального стиля...

Элементы шаржа присутствуют в графическом черно-белом портрете П. И. Чайковского из серии «Звук=Образ=Число» работы Светланы Захаровны Богатырь (р. 1945), которая разделяет заложенную еще в античные времена идею Пифагора о глубинной связи музыки и математики. Масштабный печатный постер этого наполненного невидимыми звуками портрета был подарен Музею музыки в 2010-е годы автором. Выдающийся композитор, олицетворяющий вселенную, запечатлен погрудно на условном темном фоне. Его практически бесплотная фигура сконструирована из элементарных частиц — различных комбинаций символов-чисел.

Большинство рассматриваемых портретов П. И. Чайковского из собрания Музея музыки выполнены в традициях реалистического искусства. Русские и советские художники М. Соколов, Н. Кузнецов (Н. Литвинова), А. Вольтер, В. Винокур, Г. Ингер стремились как можно более цельно, жизненно и правдиво (нередко с элементами повествовательности) запечатлеть на бумаге, холсте внешний облик великого музыканта, его глубокий и сложный внутренний мир. Однако на портретах Чайковского работы Н. Ильина и С. Богатырь заметно перенесение акцентов с самой изображаемой модели на способ ее истолкования. Вследствие «игры» с объемом и плоскостью, использования кубистических приемов, цифровых символов первый русский композитор-профессионал предстает перед нами на этих графических портретах оригинально преображенным фантазией художников.

Богатырь С. З. Постер портрета П. И. Чайковского.
Бумага, печать типографская. 2009 год.
РНММ. Дофондовое хранение

Рассуждая о человеческой красоте, в одном из писем к своему «незримому другу» Н. Ф. фон Мекк Чайковский писал: «В лице человека, в его походке, манерах, движениях, взгляде нравится что-то неуловимое, не поддающееся определению. В сущности, это „нечто“ есть отражение духовной красоты...» [3, с. 50–51]. Думается, что, вглядываясь в портреты П. И. Чайковского, можно постараться лучше постичь сокровенные, едва уловимые грани и оттенки богатого красками духовного мира великого музыканта.

Литература:

1. Воспоминания о П. И. Чайковском: [сборник] / сост. Е. Е. Бортникова и др. Изд. 3-е, испр. М.: Музыка, 1979. 572 с.
2. Кайгородов Д. Н. П. И. Чайковский и природа: биографический очерк. СПб.: тип. А. С. Суворина, 1907. 46 с.
3. Переписка П. И. Чайковского с Н. Ф. фон Мекк. URL: <http://https://coollib.net/b/368923/readp?p=51&cnt=9000> (дата обращения: 13.06.2020).
4. Чайковский М. И. Жизнь Петра Ильича Чайковского. По документам, хранящимся в Архиве им. покойного композитора в Клину: в 3 т. Изд. 2-е, испр. Т. 3. М.; Лейпциг: П. Юргенсон, 1903. 690 с.
5. Чайковский М. И. Жизнь Петра Ильича Чайковского. (По документам, хранившимся в архиве в Клину): в 3 т. Т. 1. М.: Алгоритм, 1997. 511 с.